

II.

Предъ нами гробъ незабвеннаго наставника! Тяжелые дни покаянія и воспоминанія о преданномъ и поруганномъ Христѣ еще отягчились скорбью о смерти человѣка, пожертвовавшаго своею жизнью ради нашего блага. Велико наше горе! Но не слѣдуетъ предаваться ему бесплодно, хотя и это свидѣтельствуешь о нашихъ добрыхъ чувствахъ къ покойному. Совѣсть и долгъ христіанскій повелѣваютъ намъ возвыситься надъ этой скорбью, поразмыслить о ней, извлечь изъ нея нравственный урокъ, приобрѣсть то душевное спокойствіе, которое единственно прилично христіанину, всецѣло преданному волѣ Божіей. Въ настоящемъ случаѣ личность покойнаго даетъ каждому изъ насъ богатый матеріалъ для размышленій. Воскресите въ своей памяти эту личность и вы увидите, что она была олицетвореніемъ спокойнаго, сознательнаго, усидчиваго труда; вся жизнь покойнаго—осуществленіе его твердыхъ религіозно—философскихъ убѣжденій, смерть его великая жертва ради точнаго исполненія своего долга. Изучая и преподавая философію, онъ былъ истиннымъ философомъ и въ своей жизни, стараясь въ ней осуществить великія философскія начала и правила.

Но, преданный философіи, онъ понималъ въ то же время, что она одна, какъ основанная на началахъ ограниченнаго человѣческаго разума, не можетъ имѣть достаточно убѣдительности и силы, чтобы стать твердой руководительницей всей жизни; онъ тщательно изучалъ и начала христіанской, богооткровенной нравственности и только при свѣтѣ ихъ выработалъ свои религіозно—философскія убѣжденія, осуществленію которыхъ посвятилъ свою жизнь. Такимъ образомъ онъ преодолевалъ трудную и даже неспособную для многихъ работу примиренія здравой философіи съ христіанствомъ. Достигну примиренія и поставивши девизомъ своей жизни великую идею долга, онъ самоотверженно

пошелъ по пути, на который указывала ему его совѣсть. Его наставническая дѣятельность — лучшее доказательство его твердости характера, непоколебимости убѣжденій и самоотверженія. Это признаетъ каждый изъ насъ. Развѣ это одно не свидѣтельствуетъ уже о величія его внутренней жизни? — ибо что вызываетъ уваженіе даже противъ воли, что исторгаетъ удивленіе даже у людей нерасположенныхъ, то, значитъ, само въ себѣ достойно уваженія и удивленія... Такая ли личность, такая ли жизнь, не могутъ, не должны, служить для насъ нравственнымъ образомъ, особенно въ наше время, когда вездѣ мы видимъ, что не твердыя религіозно—философскія начала, несознаніе долга управляютъ жизнью людей, а измѣнчивыя влеченія безпокойнаго сердца, поверхностныя гипотезы и утопіи. Такой-ли дѣлостный характеръ не предметъ для удивленія и подражанія въ наше безхарактерное время? Такой ли самоотверженный трудъ не укоръ нашему времени всеобщей погони за легкой наживой и пренебреженія своими прямыми обязанностями? Однимъ словомъ, чѣмъ ни болѣе мы будемъ всматриваться въ личность покойнаго, тѣмъ болѣе будемъ находить въ ней достойнаго для подражанія, тѣмъ яснѣе мы увидимъ, что подъ обыкновенной оболочкой, среди незначительнаго круга дѣятельности таилось много недюжиннаго и великаго. Мы не можемъ еще теперь вполне оцѣнить покойнаго. Его строгія требованія исполненія своихъ обязанностей, его точность и правдивость, не потворствовавшія нашей лѣни, нерадивости и тщеславію, возбуждавшія въ насъ иногда чувство неудовольствія, казались намъ черезчуръ строгими — Но совѣсть каждаго изъ насъ говорила, что вся вина на нашей сторонѣ и не смотря ни на что, мы всѣ все таки чувствовали глубокое уваженіе къ его личности. Чѣмъ безпристрастнѣе мы начнемъ смотрѣть на самихъ себя, тѣмъ болѣе будетъ влущать уваженія и любви покойный наставникъ; чѣмъ серьезнѣй будетъ вырабатываться нашъ взглядъ на жизнь, тѣмъ сиднѣе

будетъ чувствоваться необходимость подражать ему въ нашей жизни. Наша судьба, товарищи, похожа на судьбу покойнаго; наше будущее быть или учителями или пастырями церкви; въ томъ и въ другомъ случаѣ потребуется много труда, характера, самоотверженія, чтобъ исполнить свой долгъ. Настоящее время время, борьбы, борьбы часто неровной и непосильной и, притомъ же, борьбы, не имѣющей ни блеска, ни шума, ни славы, борьбы тихой, незамѣтной, во имя только христіанскаго долга, борьбы за тѣ идеи, которыя заклеены названіемъ отсталыхъ. Мало того, что намъ придется бороться за это съ другими, мы должны будемъ бороться и съ самими собой, съ своими сомнѣніями, съ ложными мыслями, носящимися нынѣ въ воздухѣ, съ мелкимъ самолюбіемъ, съ жаждой новизны, съ предубѣжденіемъ къ старому, во имя только его старости и наконецъ съ лѣнью. Жизнь приведетъ къ борьбѣ; совѣсть, долгъ потребуютъ ея; — а гдѣ же силы для этого? Не разъ придется изнемогать въ борьбѣ, не разъ придетъ на мысль уступить напору времени, бросить непосильную борьбу и отдаться хаотическому водовороту современной жизни... и вотъ въ такія минуты возстанетъ въ нашей душѣ образъ бывшаго наставника, ободритъ, придастъ силы и энергіи, водворитъ въ душѣ спокойствіе и рѣшимость твердо идти по пути самоотверженнаго долга. Вотъ только въ такія минуты жизненной борьбы мы вполнѣ узнаемъ дѣйствительную цѣну этого незабвеннаго наставника. Дай же Богъ, чтобы духъ его жилъ въ насъ и поддерживалъ насъ въ трудныя минуты жизни! Дай Богъ, чтобы жизнь его подвигла и насъ на трудовую самоотверженную жизнь и самая смерть его была бы только переходомъ въ лучшую жизнь, откуда онъ будетъ помогать намъ и гдѣ, мы надѣемся, онъ получитъ достойную себѣ награду отъ Бога.

Михаилъ Грибановскій (VI кл.).